

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

содействовали бы решению многих кардинальных проблем средневековой истории и культуры стран Дальнего Востока.

В.Н.Горегляд
Е.И.Кычанов

Г.Я.Смолин

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 874-901 гг. И ТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ (ЦЗЕДУШИ)

Известно, сколь ощутимо влияли на жизнь Танской империи второй половины VIII – начала X в. цзедуши (или фаньчжэнь) – генерал-губернаторы, как принято называть их в отечественной литературе.¹ Сложные взаимоотношения этих правителей периферии с центральной властью, а равно и между собой нередко определяли ход и исход важнейших внутри- и даже внешнеполитических событий. Решающую роль сыграли они и во время крестьянской войны 874-901 гг. под предводительством Ван Сяньчжи и Хуан Чао: именно цзедуши – китайцам и инородцам (тюркам-шато и тангутам) – суждено было вместе с их армиями, насчитывавшими каждая тысячи и десятки тысяч солдат, стать главной военной силой, которая совладала с восставшими. Свыше двух десятков генерал-губернаторов непосредственно подвизались на этом поприще, некоторые же и возвысились именно благодаря кровавым "подвигам" в "укротении" повстанцев – как, например, цзедуши Чжэнь-хая² Цянь Лю, будущий основатель южнокитайского царства У-Де, сясуиньский цзедуши тангут Тоба Сыгун или яньмэньский – тюрк-шато Ли Кэюн, провозглашенный впоследствии родоначальником (Гао-цзу) северокитайской династии Поздняя Тан.

Казалось бы, цель, которой добивались правители империи после глубоко потрясших страну в 50-80-х годах VIII в. мятежей Ань Лушаня, Ши Сымина и других генерал-губернаторов, – превратить институт цзедуши в надежный оплот порядка внутри и на внешних границах "Срединного государства" – достигнута. В действительности, однако, все обстояло гораздо сложнее.

Генерал-губернаторы многократно осуществляли широкие и энергичные меры по подавлению восставшего крестьянства даже самостоятельно, одними собственными силами, особенно в тех случаях, когда угроза со стороны повстанцев нависала непосредственно над подвластными им территориями. Карательные кампании против отрядов Ван Сяньчжи и Хуан Чао они предпринимали и во взаимодействии либо сообща

с правительственными войсками при верховенстве (нередко номинальном) императорского двора, по отношению к которому обычно держались независимо. Иными словами, в экстремальной ситуации, порожденной народным движением во главе с Ван Сяньчжи и Хуан Чао, обе враждующие силы в феодальном лагере порой словно забывали о своих расприх, демонстрируя способность господствующего класса самоконсолидироваться для отражения угрожавшей ему опасности.

Вместе с тем, учащались вооруженные выступления генерал-губернаторов против центральной администрации. Показательно, что на 15-летнее (873-888) царствование Ли Сюаня (Си-цзуна) приходится не менее трети общего числа танских цзедуши, учинявших антиправительственные мятежи, и без малого четверть (53 из 219) таких мятежей [I, с. 72-74, 225-227]. В этом отношении указанный отрезок времени вполне сопоставим с бурной полосой военно-феодалных смут середины VIII в. В обоих случаях не обошлось без вмешательства извне, со стороны верхушки иноземцев. Разница тут, пожалуй, в том лишь, что выступления генерал-губернаторов при Ли Сюане происходили чаще, и хотя по масштабам уступали таким, как мятеж Ань Лушаня - Ши Сямина 755-763 гг., зато превосходили их деструктивными последствиями для танов, а если об этих выступлениях известно несоизмеримо меньше, то только потому, что крестьянская война и все непосредственно с нею связанное заслонили их собой в представлениях современников и потомков.

По мере того, как разгоралось и подступало к административным центрам империи пламя крестьянской войны, власть танов приходила в упадок, зато цзедуши явственной обнаруживали свои сепаратистские стремления. Многие из них чаще и откровенней пытались теперь воспользоваться острокритическим положением, в котором оказалась императорская власть, и, открыв своего рода второй внутренний фронт, отвлекали на себя ее внимание, силы и средства. Резкое обострение раздоров во вражеском стане объективно благоприятствовало восставшим, и в частности, облегчило им возвращение, по завершении южного похода 878-879 гг., в междуречье Хуайхэ-Хуанхэ, а затем, ближе к концу 880 г., выход к пристольничной зоне.

Нельзя сказать, будто высшая танская администрация ничего не предпринимала, чтобы положить конец подобным явлениям. Зарвавшихся цзедуши пытались разными средствами, включая военные, призвать к порядку, самых строптивых перемещали в другие районы либо вообще смещали, их место занимали казавшиеся императорскому двору более надежными, обычно из числа особо "отличившихся" в обуздании повстанцев либо наиболее непокорных генерал-губернаторов. Сколько-ни-

будь ощутимых перемен добиться в целом, однако, не удавалось, установить жесткий контроль над всеми цзедуши центральная власть оказывалась не в состоянии.

Разлад в среде противников крестьянской войны приобрел особенно значительный размах и напряженность после того, как в начале 881 г. отряды Хуан Чао овладели главной (Западной) столицей страны. Здесь, в Чаньани, верховный предводитель повстанцев был провозглашен императором основанной им династии Великая Ци, а Ли Сюаню вместе с его двором пришлось искать прибежище в Южной столице (соврем. Чэнду). Во взаимоотношениях танов и цзедуши наступил самый драматический момент.

Некоторые генерал-губернаторы, преимущественно северокитайские: фэнсянский Чжэн Тянь, хэчжунский Ван Чунжун, хэдунский Чжэн Цундан, иуский Ван Чуцунь – и после трагических для царствующего дома событий начала 881 г. сохраняли верность ему, широко вели активные боевые операции против повстанцев, дабы отвоевать Чаньань и вновь утвердить там власть танской династии. Владения первых трех из поименованных цзедуши входили тогда непосредственно в зону вооруженных столкновений с отрядами Хуан Чао либо вплотную к ней прилегали, и этим предопределялась их линия поведения. Ван Чуцунь, чье генерал-губернаторство отстояло от указанной зоны сравнительно далеко, по свидетельству обеих танских "образцовых историй", располагал снискавшим известность "в Поднебесной богатством", которое исчислялось "несколькими миллионами" и включало до "десяти тысяч рабов (тунну)". Все состояние Ван Чуцуня находилось в его родной Чаньани, там же осталась его семья, так что судьба столицы государства не могла генерал-губернатора Иу не волновать. Вот почему, узнав о падении Чаньани, "Ван Чуцунь много дней кряду обливался слезами" [3, цз. 186, с. 16761; 6, цз. 182, с. 15209].

Вообще же после захвата повстанцами Чаньани и бегства императора на юго-западную окраину страны многих среди гражданских и военных чинов, не исключая цзедуши, охватило неверие в способность танов восстановить свою власть и силу. В "Всепроницающем зеркале, управлению помогающем" под 18 апреля 881 г. приведена на сей счет весьма примечательная запись: "В то время... в Поднебесной говорили, что государев двор не сможет возвратиться и воспрянуть" [5, цз. 254, с. 8249]. Впрочем, подобные умонастроения давали о себе знать и раньше – как, например, за пять лет до этого в случае с цзедуши Пинлу Сун Вэем, одновременно являвшимся тогда главнокомандующим карательной экспедицией против повстанцев Ван Сяньчжи [3, цз. 225(3), с. 17027; 5, цз. 242, с. 8186] или в 879 г. – с цзеду-

ши Шаньнаньдуна Лэй Цзюйжунюм [3, цз. 186, с. 16763; цз. 225(3), с. 17028]. Теперь же подчас даже те генерал-губернаторы, что отзывались на призывы Южной столицы о помощи и спасении, если что-либо и предпринимали, то, скорей, лишь "на словах, а не на деле" [6, цз. 182, с. 15215].

Многие цзедуши, не скупясь на заверения в лояльности к танам, в то же время задались целью извлечь из сложившейся обстановки выгоду для себя и не прочь были, вопреки прямым запретам двора, раздвинуть границы своих владений. Так, генерал-губернатор Вэйбо Хань Цзянь, - рассказывается в обеих танских династийных историях, - вместо того, чтобы позаботиться об избавлении попавшего в беду Ли Сюаня, "стал тайно вынашивать крамольные замыслы и вознамерился расширить свою территорию" за счет соседнего генерал-губернаторства Хэян. Правда, "невероятно сильное желание" Хань Цзяня не осуществилось: его воинство, хотя и "было могущественным", потерпело поражение [3, цз. 210, с. 16888; 6, цз. 181, с. 15207]. Генерал-губернатор Чжаои Мэн Фанли, сочтя за благо для себя, что "на Срединной равнине царит смута", и "полагая, что государев двор не в силах с нею совладать", решил подчинить себе еще три области на Шаньдунском полуострове [3, цз. 187, с. 16767; 4, цз. 42, с. 456-457; 5, цз. 255, с. 8284-8285; 7, цз. 62, с. 17446]. Особенно усердствовали в этом отношении центрально- и южнокитайские цзедуши, мало помышлявшие о том, чтобы поспешить на выручку Ли Сюаню, но зато расширявшие явочным порядком вверенные им территории, - как, например, унинский генерал-губернатор Ши Пу, жаждавший прибрать к рукам область Сучжоу (соврем. Сусянь, пров. Аньхой) [3, цз. 188, с. 16770; 6, цз. 182, с. 15215], или хуайманьский цзедуши Гао Пянь, чьи владения простирались на Чжэси и Чжэдун [3, цз. 224(2), с. 17012; 6, цз. 182, с. 15211].

Как сказано в "Старой истории Тан", "в Поднебесной многие генерал-губернаторы придерживались двойственной линии (лян-дуань)" [6, цз. 164, с. 15090]. Здесь имеются в виду цзедуши Чжуньбу Чжоу Цзи, Пинлу - Ван Цзиньбу, Хэчжун - Ли Ду, Сясуйинь - Чжугэ Шуан и некоторые другие, согласившиеся с предложением Хуан Чао пойти к нему на службу и занявшие различные посты в повстанческой администрации. Известно, например, что Чжугэ Шуан получил от верховного правителя Великой Ци должность хэянского цзедуши [3, цз. 187, с. 16766; 6, цз. 182, с. 15210]. В том же источнике говорится: "Многие генерал-губернаторы в Поднебесной приняли его (Хуан Чао.- Г.С.) фальшивые назначения" [6, цз. 182, с. 15209].

Подобного рода факты - отнюдь не что-то исключительное в ис-

тории средних веков; они могли иметь место едва ли не в любой крестьянской войне, будь то в Китае или в какой-то иной стране. Ясно также, что вовсе не симпатии и сочувствие к восставшим подвинули таких людей принять сторону Хуан Чао. Мотивы, которыми они руководствовались, достаточно недвусмысленно раскрыл, например, Чжоу Цзи, заявивший: "Не будучи в состоянии своими силами оборониться от разбойников, я для вида принял их назначение на службу, но в душе намерения иные" [6, цз. 184, с. 15231]. Довольно скоро, когда стал обозначаться перелом в ходе военных действий между восставшими и карателями в пользу последних, Чжоу Цзи, как и Ван Цзиньбу, Ли Ду, Чжугэ Шуан, вновь перешел к танам. Замысел Хуан Чао привлечь в свой стан выходцев из социально враждебной среды - явление опять-таки отнюдь не необычное в истории средневековых крестьянских войн и восстаний и давно уже объясненное нашей медиэвистикой. Здесь уместно подчеркнуть, что возглавлявшееся Ван Сяньчжи и Хуан Чао повстанческое руководство и прежде стремилось (подчас не безуспешно) учитывать наличие в феодальном лагере острых коллизий, в частности - между цзедуши и центральной властью, а равно и между самими цзедуши. Именно об этом свидетельствует, например, такая реплика составителей "Новой истории Тан" : "Хуан Чао считал: среди генерал-губернаторов нет единства, и они не смогут управиться с нами" [3, цз. 225(3), с. 17028]. Другое дело, что подобные расчеты не оправдались, да и не могли оправдаться: логика классовой борьбы свое делала, и армии цзедуши - по сути, единственная реальная военная сила в Танской империи того времени - потопили крестьянскую войну в крови. Среди "управившихся" с нею оказались и те из генерал-губернаторов, которые незадолго до того приняли было сторону Хуан Чао.

Крестьянская война 874-901 гг., несмотря на её поражение, обескровила танскую монархию. Правда, в течение некоторого времени монархия еще сумела продержаться. То были, однако, годы агонии, и никакие попытки реанимировать этот утративший жизнеспособность организм помочь уже не могли. Довершили крушение танов цзедуши, чья мощь окрепла в результате подавления - при их решающем участии - крестьянской войны под руководством Ван Сяньчжи и Хуан Чао.

1. Подробное истолкование терминов цзедуши и фаньчжэнь см. [2, с. 353-354].

2. Генерал-губернаторства, упомянутые в статье:

Название	Резиденция цзедуши (в скобках - современные наименования городов)	Примерное месторасположение (в границах современных провинций)
Вэйбо	Вэйчжоу (Дамин, пров. Хэбэй)	На стыке Шаньдуна и Хэбэя
Иу	Динчжоу (Динсянь)	На западе Хэбэя
Пинду	Цинчжоу (Иду)	В центре Шаньдуна
Сясуийинь	Сячжоу (Хэншань)	На севере Шэньси
Унин	Сойчжоу (Туншань, пров.Цзянсу)	На стыке северо-западной Цзянсу и северо-восточной Аньхой
Фэнсян	Фэнсян	На западе Шэньси
Хуайнань	Янчжоу	На стыке Цзянсу, Аньхой и Хэнани
Хэдун	Тайвань	На стыке западной Хэбэй и восточной Шаньси
Хэчжун	Пучжоу (Пусянь)	На юго-западе Шаньси
Хэян	Хуайчжоу (Циньян, пров. Хэнань)	На стыке северо-западной Хэнани и южной Шаньси
Чжаои	Лучжоу (Чанжи, пров. Шаньси)	На стыке юго-восточной Шаньси и южной Хэбэй
Чжуньу	Сойчжоу (Сойчан)	На востоке Хэнани
Чжэдун	Юечжоу (Шаосин)	На востоке и юге Чжэцзяна
Чжэньхай (или Чжэси)	Ханчжоу (пров. Чжэцзян)	На севере Чжэцзяна и юге Цзянсу
Шаньнаньдун	Сянчжоу (Сяньян, пров. Хубэй)	На стыке Хубэя, Хэнани и Шэньси
Яньмэнь	Дайчжоу (Дайсянь)	На севере Шаньси

Источники и литература

1. Ван Шоунань. Тан дай фаньчжэнь ой чжуньян гуаньси-чжи яньцзю (Исследование отношений между фаньчжэнями и центральной властью в период Тан). Тайбэй, 1969.
2. Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В.С.Таскина. М., 1979.
3. Синь Тан шу (Новая история Тан). Сост. Оуян Сю и др. Пекин, 1958.
4. Синь У дай ши (Новая история Пяти династий). Сост. Оуян Сю и др. Пекин, 1974.

5. Цзы чжи тун цзянь (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее). Сост. Сыма Гуан и др. Пекин, 1956.
6. Цзю Тан шу (Старая история Тан). Сост. Лю Суй и др. Пекин, 1958.
7. Цзю У дай ши (Старая история Пяти династий). Сост. Сюе Цзюй-чжэн. Пекин, 1958.

Э.С. Стулова

ВОССТАНИЕ ХУАН ЧАО 875-884 гг. В "БАОЦЗУАНЬ О МУЛЯНЕ"^I

(предварительные наблюдения)

Рассказ о восстании Хуан Чао дан в контексте хорошо известной легенды о буддийском святом, монахе Муляне. Приведем краткое содержание баоцзюань.

К западу от заставы в городе Наньду жил богатый и добродетельный мирянин по имени Фу Сян с женой Лю Цинти. Бездетная пара молилась о даровании ей сына. Ниспосланного чудесным образом младенца назвали Лобу, прозвание дали-Мулянь. После смерти Фу Сян стал помощником Дицзана, повелителя царства тьмы. Мулянь совершенствовался в монастыре. Нарушившая обет госпожа Лю после смерти попала в ад. Мулянь, добродетельный и почтительный сын, желая отблагодарить за милость родивших и воспитавших его отца и мать, отправился на запад, на Священную гору Линшань. Здесь он узнал, что его мать находится в аду. Получив от Будды платье, патру и посох, он отправился на поиски. (Подробное описано путешествие Муляня по подземному миру). Отыскав мать в подземной тюрьме, Мулянь ударом посоха распахнул ворота. Этим воспользовались грешные души и бежали в мир света. Дицзан приказал Муляню собрать и вернуть в подземное царство сбежавших, которых оказалось восемь миллионов. Для этого герою предстояло родиться в облике Хуан Чао.

Далее следует рассказ о Хуан Чао. Он рождается в бездетной добродетельной семье, становится во главе восстания, выполняет повеление Дицзана - возвращает в ад восемь миллионов душ (эта часть баоцзюань будет подробнее рассмотрена ниже).

Вернувшись в царство мрака, Мулянь опять просит освободить мать. Однако ему предстоит еще одно рождение, на этот раз в облике мясника. Мясник сделался учеником Гуаньинь и со временем попал на запад. На этот раз Дицзан освободил госпожу Лю. Сам Мулянь, как и его отец, стал помощником Дицзана.